

Подобно секте Цанъя, секта Баопу тоже находилась на Западном континенте, но они располагались в противоположных его концах: первая была на юге, а вторая на севере. Секта Баопу была не в самых лучших отношениях с горой Цанъя и принадлежала к числу "Трех сект". Когда люди упоминали о Западном континенте, в первую очередь они вспоминали о горе Цанъя. И только после этого речь заходила о секте Баопу.

У многих это уже стерлось в памяти, но две тысячи лет назад секта Баопу считалась лучшей на Западном континенте. По престижу и влиянию она значительно превосходила гору Цанъя.

Так продолжалось бы и дальше... если бы гора Цанъя не породила Святого меча. Стоит заметить, что Святой меч и секта Баопу были настроены друг к другу довольно враждебно.

Другими словами, подъем горы Цанъя сопровождался упадком секты Баопу.

Колесо истории продолжало катиться вперед, оставляя позади дни их славы. Со временем их престиж и репутация превратились в пыль.

Однако всегда существовали люди, которые были не в силах забыть былые почести. Многие все еще не могли смириться с этой потерей.

Секта Баопу копила свои обиды в течение последних тысячи шестисот лет. Оставаясь неизменным, как Великий предел тайцзи, это негодование передавалось от поколения к поколению.

Чтобы избежать неудобств, отправившийся вперед Ло Минчуань выпустил свою ауру — подавляющую мощь культиватора на ступени Откровения.

Разумеется, горные разбойники и мелкая рыбешка в страхе разбежались куда глаза глядят, избавив их от ненужных проблем. Но никто не ожидал, что поблизости окажется другая группа культиваторов, которая тоже спешила на фестиваль "Срывания цветка", выбрав маршрут вдоль горного хребта Паньлун, на котором опасности были близко, а помощь далеко. Для них подавляющая аура Ло Минчуаня показалась чем-то вроде провокации.

Таким образом, они и оказались в этом положении.

От группы людей в светло-голубых одеждах отделился один культиватор. Он находился на ранней стадии Проявления душ. Этот человек, даже столкнувшись с Ло Минчуанем, который достиг стадии Откровения, вел себя очень надменно и властно.

— Секта Баопу направляется по своим делам. Откуда взялась эта мелкая рыбешка, которая посмела преградить нам путь?

Вообще-то, поначалу Ло Минчуань хотел уступить им дорогу.

Он уже приготовился отойти в сторону, но после этих слов ученика секты Баопу он замер на месте. Затем, вместо того чтобы уступить дорогу, он сложил руки в жесте официального приветствия.

— Гора Цанъя, пик Сицян, Ло Минчуань.

К этому моменту Инь Биюэ и Дуань Чунсюань уже добрались сюда. Как раз вовремя, чтобы услышать, как представляется Ло Минчуань. Поэтому Инь Биюэ тоже поприветствовал их.

— Гора Цанъя, пик Сихуа, Инь Биюэ.

— Пик Сихуа, Дуань Чунсюань.

Все трое поприветствовали их полупоклоном, но группа секты Баопу должна была ответить им полным.

Все потому, что Ло Минчуань был наследующим учеником горы Цанъя, а Инь Биюэ и Дуань Чунсюань — учениками Святого меча. Что до учеников секты Баопу, все они были простыми учениками третьего поколения.

Заговоривший с ними ученик секты Баопу с трудом пришел в себя от шока. Он побледнел лицом, но смог осилить ответное приветствие, чтобы показать пример своей группе.

Когда Ло Минчуань называл свое имя, он готов был разразиться грязными ругательствами. Он что, принял его за сопливого трехлетнего мальчишку, который поверит в любую байку? Как может наследующий ученик горы Цанъя носить такие нищенские лохмотья?!

Но увидев за спиной Ло Минчуаня остальных двоих, он поспешно подавил свой гнев.

Никто не был настолько безрассуден, чтобы лгать о том, что он является учеником Святого меча.

Учеников секты Баопу нельзя было винить за их высокомерие. В конце концов, Ло Минчуань не был одет в цвета горы Цанъя. Он носил простую белую одежду. Капюшон черного плаща Инь Биюэ все еще наполовину закрывал его лицо. Не стоит забывать и о костюме Дуань Чунсюаня, который превращал его в ходячую золотую статую...

В результате они вовсе не походили на учеников достойной и уважаемой крупной секты.

Вместо этого они выглядели мягкой хурмой — потенциальными жертвами.

Но когда Ло Минчуань первым поприветствовал их, "мягкая хурма" превратилась в мягкий нож¹.

Таким образом, прекрасно одетые ученики секты Баопу показали себя грубой и неотесанной деревенщиной.

Если бы Ло Минчуань не поприветствовал их, то можно было бы не обращать особого внимания на различие в их положении и соответствующий этикет — ведь они были из разных сект.

Но теперь им не оставалось ничего иного, кроме как вернуть приветствие, что они и сделали с большой неохотой.

В этот момент из леса послышался мужской голос. Он прозвучал очень равнодушно, с нотками непреклонной властности.

— Отойди.

— Понял, дядюшка-наставник Хэ, — почтительно ответил лидер группы учеников секты Баопу. Его лицо озарилось радостью.

Не только у него улучшилось настроение. Все ученики секты Баопу, которых было около десятка, мгновенно приободрились. Они расступились, пропуская вперед мужчину, только что

вышедшего из леса.

Инь Биюэ давно знал, что, учитывая чрезвычайное высокомерие учеников секты Баопу, их должен был сопровождать кто-то с более высоким уровнем культивации, чем у того человека, который разговаривал с ними раньше.

Мало того, когда ученики секты Баопу узнали, кто они такие, то хоть и удивились, но не запаниковали. Можно было предположить, что их настоящий лидер непростой человек, и его ступень культивации не уступит той, которой обладает их троица.

Хотя к нему обратились как к "дядюшке-наставнику", вышедший из леса человек был очень молод.

Его фигура была слегка худощавой, а лицо довольно бледным. Хотя он был одет в ту же самую светло-голубую одежду, как и все остальные, она придавала ему серьезный и мудрый вид, напоминая многолетний мох на камне.

Его тело окружала могущественная аура культиватора на стадии Откровения, которая говорила о том, что он способен соперничать в мастерстве с Ло Минчуанем.

Все остальные ученики секты Баопу столпились вокруг него, признавая его главенство.

Расстановка сил изменилась.

Инь Биюэ уже начал прикидывать, какой боевой прием использовать первым, когда он выхватит меч.

Молодой человек сложил руки в приветствии и представился:

— Секта Баопу, Хэ Лай.

Его имя было очень простым. Настолько незамысловатым, что это даже озадачивало.

Однако выражение лица Ло Минчуаня слегка изменилось. Это произошло потому, что Хэ Лай был довольно знаменит.

В голосе молодого человека были слышны нотки пренебрежения:

— Нам было неизвестно о присутствии здесь великолепных учеников секты Цанъя. Мы не смогли узнать вас. Тем самым мы чрезвычайно оскорбили вас и просим прощения.

Хотя он и просил прощения, но явно не собирался уступать им дорогу. Более того, словами "мы не смогли узнать вас" он намекнул на то, что они были нелепо одеты и выглядели недостойно.

Хэ Лай скользнул взглядом по Дуань Чунсюаню. В то же мгновение в его глазах вспыхнула насмешка, смешанная с легким разочарованием.

Да, он был невероятно разочарован.

Ходило множество разговоров о том, каковы же на самом деле ученики Святого меча. Теперь, когда он увидел их своими глазами, ему показалось, что они мало соответствуют прославленной репутации. Одной из причин, почему он решил участвовать в фестивале "Срывания цветка" стал слух о том, что в этом году его посетят ученики Святого меча.

Сейчас он понял, что они ничего особенного из себя не представляют. Они не стоили того, чтобы из-за них спускаться с горы.

Никто из присутствующих не был умственно отсталым, поэтому все отлично поняли смысл слов Хэ Лая.

В группе учеников секты Баопу поднялась волна смешков. Они были тихими, но хорошо различимыми.

Дуань Чунсюань тоже рассмеялся. Он сделал пару шагов вперед, а затем приветственно кивнул.

— Старший брат-ученик Хэ, я давно мечтал встретиться с тобой. Теперь, когда я увидел тебя, это большая честь для меня.

Инь Биюэ пронизательно подметил, что аура, окружающая Трещотку, изменилась.

Его поведение выглядело не фальшивым блефом, но скорее прирожденным величием.

Даже его вычурные шелковые одежды, расшитые золотыми цветами белладонны, стали казаться достойным и элегантным одеянием императора.

Пусть Дуань Чунсюань произнес всего-навсего "рад знакомству", но прозвучало это похоже на "преклони передо мной колени".

— Наш наставник всегда учил нас, что "каждый сделанный тобой искренний шаг никогда не должен переходить черту". Не позволять постороннему воздействию влиять на душу, вводить в заблуждение и застилать нам взор. "Направлять других", вместо того, чтобы "позволять другим манипулировать нами". Если сердце твердо и непоколебимо, каждый шаг верен и искренен, и тогда неважно, знаменитый клинок или простой веер, простые одежды или роскошный наряд — все это можно рассматривать как пустую мишуру, — продолжил Дуань Чунсюань.

Лицо Хэ Лая слегка перекосилось, но ему нечего было возразить. Не мог же он сказать, что Святой меч неправ.

Дуань Чунсюань внезапно сменил тему разговора. Улыбка на его лице стала еще шире.

— Должно быть, наша случайная встреча predetermined самой судьбой. Хотя есть поговорка "кто опоздает, тот воду хлебает", но сегодня я лично узрел, что наши друзья из секты Баопу поистине добродетельны и честны, как жемчуг в чаше из прозрачного нефрита. То, как вы довольствуетесь бедностью и стремитесь к благочестию, определенно вызывает во мне восхищение перед вами! Поскольку наши друзья, по всей видимости, спешат и не в силах ждать, почему бы нам не уступить им дорогу?

Дуань Чунсюань взмахнул своим веером, указывая вперед, и грациозно отступил в сторону.

— Пожалуйста, проходите первыми!

Лица учеников секты Баопу стали пепельными. Они ждали, пока Хэ Лай не примет решение.

Однако Ло Минчуань не дал им возможности высказаться.

— Эта стычка в ущелье просто пустяк, но если об этом происшествии узнают, то неизбежно обвинят нашу гору Цанъя в использовании силы против слабых. Моя секта всегда

поддерживала справедливость. Если о нас пойдет дурная слава, это будет невыносимо!

Он отступил в сторону и занял позицию, которая делала очевидным то, что он уступает им дорогу.

— Пожалуйста, проходите первыми!

Инь Биюэ уже не мог достать свой меч.

Если расшифровать подтекст в цветистых и причудливых словах Дуань Чунсюаня, то смысл был такой: "вы недостойные, поэтому можете пройти первыми".

С другой стороны, Ло Минчуань заявил практически напрямик: "вы слабые, поэтому можете пройти первыми".

Дипломатический представитель пика Сихуа и дипломатический представитель горы Цанья — как так вышло, что эти два человека с суперпрокачанной способностью складно говорить, объединились вместе в одну группу?!

Впервые Инь Биюэ постиг глубокий смысл выражения: "огрызаясь — вершишь правосудие".

Если бы на данном этапе секта Баопу отказалась пройти, то это заставило бы их выглядеть слишком напыщенными.

Потому что... им уже уступили дорогу! Что бы теперь секта Баопу ни сказала и ни сделала, это показалось бы слишком неблагоразумным!

— Я уверен, что мы встретимся снова, — попрощался Хэ Лай, а затем он повернулся и увел за собой остальных учеников секты Баопу.

Когда члены секты Баопу исчезли за поворотом, Ло Минчуань снова занял свое место в авангарде перед тем, как двинуться вперед.

Инь Биюэ и Дуань Чунсюань шли рука об руку и болтали.

— Неужели наставник действительно говорил нечто подобное? — озадаченно спросил Инь Биюэ.

— Я видел наставника только на портрете! Откуда мне знать, сказал ли он нечто подобное! — смело и самоуверенно заявил Дуань Чунсюань.

Инь Биюэ обнаружил, что он снова потерял дар речи.

Он посмел выдумать слова, которые якобы произнес Святой меча... Если бы этот парень родился в столице Северной империи...

Тогда он непременно посмел бы подделать даже императорский указ! Рано или поздно он попадет в дурную историю!

Пока они двигались по тропе между горными пиками, ветви деревьев укрывали их от солнца.

Ученик в светло-голубых одеждах расстроено спросил:

— Дядюшка-наставник Хэ, мы так все и оставим?

Когда Хэ Лай, который до этого сохранял молчание, услышал его слова, на его лице расцвела довольная улыбка.

— В эти дни гора Цанъя ослабела настолько, что может похвастаться лишь хорошо подвешенными языками. Чего их бояться?

Все остальные моментально с ним согласились.

— Верно! Мы уверены, что во время фестиваля "Срывания цветка" дядюшка-наставник обязательно преподаст им урок!

— Там был человек, у которого половину лица закрывал капюшон черного плаща. Он действительно ученик пика Сихуа? Почему он выглядит так подозрительно? — спросил кто-то еще из учеников.

Ему ответил тот, кто первым начал спор с Ло Минчуанем.

— Хех, сначала я не поверил, что эта троица с горы Цанъя. Однако, как только тот человек заговорил, я понял, что это правда! Полмесяца назад наш тайный осведомитель из секты Цанъя прислал кое-какие известия. Кто-то с пика Сихуа потерпел неудачу в культивации. В результате его волосы в одночасье стали абсолютно белыми! Можно предположить, что это и был тот самый таинственный человек, который скрывался под тем плащом!

У всех на лицах появилось понимающее выражение.

— В таком случае его уровень культивации должен был сильно пострадать. Я не понимаю, на что он рассчитывает, отправляясь на фестиваль "Срывания цветка"! — заметил кто-то еще.

Ученики секты Баопу весело и остроумно шутили, шагая вперед в состоянии приподнятого духа.

Дуань Чунсюань был не из тех, кто любит щеголять своим хорошо подвешенным языком. Просто он терпеть не мог находиться в невыгодном положении и терпеть убытки.

С самого детства он вырос в среде, которая научила его: неважно, в разговоре или в действиях, нет смысла позволять себе нести потери.

Ло Минчуань тоже не любил утрясать конфликты путем споров. И все же, с его точки зрения, не было необходимости использовать меч, если дело можно решить разговорами.

И даже если он просто использовал слова, то не должен был позволять кому-то их унижать.

Они настойчиво следовали своим принципам, и их не заботило, как это выглядит в глазах остальных.

Инь Биюэ подумал, что до начала фестиваля "Срывания цветка" ему, возможно, так и не представится шанса обнажить свой меч.

Тем не менее, ему до сих пор кое-что было непонятно.

— Этот человек, которого звали Хэ Лай, он очень известен?

Дуань Чунсюань изумленно уставился на него. Затем он начал смеяться и делал это, пока у него не поднялись брови и воздух в легких не кончился.

— Четвертый брат-ученик! Тебе следовало бы задать этот вопрос в его присутствии! Он бы так разозлился, что харкал кровью, пока вся его одежда не приобрела красный цвет!

Инь Биюэ действительно ничего не знал. Хотя он и просмотрел все древние книги и записи в академии Ланьюань, выучив происхождение и историю каждой секты как свои пять пальцев, но ему было неоткуда узнать, какие гении и дарования появились за последние несколько сотен лет.

Он слышал только, что в секте меча Цинлу был некий Чжун Шань с техникой "Меч ветра и дождя", да и то лишь потому, что тот был слишком знаменит.

— Ты что-нибудь знаешь о "Семерых сыновьях Баопу?" — спросил Дуань Чунсюань.

Инь Биюэ ненадолго задумался, а затем медленно произнес:

— Кажется, я слышал о них раньше. Одного из них зовут Линь Юаньгуй?

Дуань Чунсюань почувствовал, что одежда остальных шести сыновей тоже вполне могла бы стать красной.

И все же, он терпеливо начал просвещать своего старшего брата-ученика.

— Хэ Лай, которого мы только что встретили, как раз и есть пятый из "Семерых сыновей Баопу".

Инь Биюэ внезапно осенило.

Но если пятый по рангу выглядит таким сильным, на что похожи остальные?

— Что касается Семерых сыновей Баопу, четверо из них духовные культиваторы, а еще трое — культиваторы боевых искусств. Линь Юаньгуй, который имеет первый ранг, может сравниться с нашим первым братом-учеником с пика Сихуа. Остальные шестеро — престранные типы, которые будто помешаны на мысли о том, чтобы прославиться... Иногда мне кажется, что секта Баопу просто добавила их для числа, чтобы остальные шестеро прославились вместе с Линь Юаньгуйем, — продолжал Дуань Чунсюань.

Когда Трещотка начинал говорить, то уже не мог остановиться.

— Ну вот скажи, где здесь логика? Разве большее количество людей может обеспечить победу?! Если бы я выбрал в секте Цанья тридцать шесть небесных звезд и семьдесят два колебателя земли, способных сотрясать горы — в общей сложности сто восемь героев, смог бы я сокрушить весь мир культиваторов?! На месте Линь Юаньгуя, если бы меня постоянно упоминали вместе с остальными шестью, я бы давно умыл руки и навсегда ушел из секты Баопу!

Инь Биюэ подумал: "Как же сильно Трещотка ненавидит эту секту Баопу..."

Еще немного поразмыслив над этим, он понял. С самого начала эта секта Баопу, которая многие годы занимала второе место, вела себя необычно, когда дело касалось горы Цанья. Что еще важнее, согласно слухам, отношения между Святым мечом и сектой Баопу оставляли желать лучшего.

Святой меча. Снова Святой меча.

Каждый раз, когда Инь Биюэ вспоминал этого свалившегося ему на голову наставника, в его сердце возникали смешанные чувства.

Он не понимал, почему Святой меча, который проводил многие годы в странствиях, внезапно отправил сообщение первому брату-ученику, чтобы тот принял его от своего имени на пик Си Хуа.

Но как только он перевел взгляд на Дуань Чунсюаня, который продолжал самозабвенно поливать грязью секту Баопу...

Нет, он совершенно не может понять, по каким критериям Святой меча выбирал себе учеников!

После Святого меча цепочка его мыслей перешла к главе академии. Говорили, что эти двое были лучшими друзьями.

У него в академии было столько талантливых учеников, почему именно его выбрали для участия в своих интригах?

Неужели... это взаимное притяжение между злодеями, принадлежащими к темным силам?

Мда. Поведение важных персонажей всегда сбивает с толку.

Инь Биюэ подумал, что если бы он составлял резюме, то выглядело бы оно примерно так:

Меня зовут Инь Биюэ.

Я злодей.

Увлекаюсь культивацией, улучшением навыков владения мечом, размышлениями на разные темы и так далее.

Я — тот, кто станет самым главным злодеем.

Вы можете оскорблять меня, но не мои жизненные устремления.

Вы можете сомневаться во мне, но не в моих профессиональных достижениях.

Главный герой в рубашке родился. Куда бы он ни пошел, весь мир будет прогибаться под него.

У меня ореол злодея. Напади на богов, убей богов! Напади на Будду, убей Будду!

Я Инь Биюэ. Я сам принесу себе соль².

Пф, пересолил³!

---

1. Мягкий нож — выражение, означающее коварную уловку.

2. Это игра слов. Фраза звучит также как "я сам говорю за себя".

3. То есть Инь Биюэ посчитал, что он слишком хвастается.

<http://bllate.org/book/12466/1109363>